

Лола
ЗВОНАРЕВА

г. Москва

ДЛЯ НАШЕГО ЖЕ ДУХОВНОГО БЛАГОУСТРОЕНИЯ

Русские писатели и православие

Мы в наше суетливое время как-то забываем, что наша литература рождалась в монастырях и кельях: у истоков древнерусской литературы стояли монахи и священники, именно они чаще всего становились авторами и переписчиками летописей, житий, вдохновенных поэтических проповедей. Историзм и чёткая нравственная оценка деятельности князей, сильных мира сего, рядовых дружинников, иноков и митрополитов – традиции, идущие от древнерусской литературы, пронизывающие большинство значительных текстов русской литературы с XII по XXI столетие.

Один из первых профессиональных восточнославянских писателей белорусский иеромонах Симеон Полоцкий, учитель детей царя Алексея Михайловича, уже в середине XVII века доказал возможность выражения при помощи виршей (в монументальных поэтических сборниках «Вертоград многоцветный», «Рифмологион», в «Псалтыри рифмотворной», по которой учился «стихотворить» М.В. Ломоносов), проповедей (собранных в пространные сборники проповедей «Вечеря душевная» и «Обед душевный»), пьес великого многообразия богословских, общественно-политических, педагогических и эстетических проблем. Именно иеромонах Симеон Полоцкий стал первым писателем, взявшим на се-

бя роль советника царей, употребившим слово «тиран», стал первым российским литератором, позволившим себе поучать власть и российское общество. Вслед за ним явились другие учителя российской власти – А.Н. Радищев, Г.Р. Державин, Н.М. Карамзин, Н.В. Гоголь, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, А.И. Солженицын.

В своих монументальных исследованиях «Соборность в русской литературе» и «Пасхальность в русской литературе» православный литературовед, профессор Литературного института И.А. Есаулов доказал: от не знакомого с христианским вероучением читателя ускользают многочисленные подтексты и скрытые важнейшие символы, а то и главные идеи, рассыпанные в произведениях отечественных писателей-классиков как XIX, так и XX столетия.

В годы советской власти, период государственно культивируемого атеизма, писатели нередко зашифровывали в тексте важные для себя христианские символы. Так, Александр Грин в таинственном образе «Бегущей по волнам» искусно спрятал образ Девы Марии. Гриновские персонажи часто размышляют об отношениях с Богом. Они любят поговорить о религии, об идеализме, о материи и духе. Герой новеллы «Гранька и его сын» «верил в Бога по-своему, то есть наряду с крестами, образами и

колокольнями видел ещё множество богов, тёмных и светлых. Восход солнца занимал в его религиозном ощущении такое же место, как Иисус Христос, а лес, полный озёр, был воплощением дьявольского и божественного начала». Упоминается Христос и в рассказе «Канат». Герой рассказа «Отравленный остров» читает молитвы и отрывки из Библии. В тексте той же новеллы фигурирует «пожелтевший от старости заглавный лист Библии». Герой рассказа «Преступление отпавшего листа» (1918) больше боится умереть, «не узнав радости воскресения», «лишаясь радости воскресения мёртвой души». Грин пытается передать «острую печаль неверующего, которому перед смертью подносят к губам памятный с детства крест» (рассказ «Зурбаганский стрелок»). А в новелле «Дьявол Оранжевых вод» (1913) повествователь обсуждает отношения человека с Богом. На внезапное предложение помолиться герой отвечает: «Вы, неверующий, – молитесь, можете разбить себе лоб. А я, верующий, не стану. Надо уважать Бога. Нельзя лезть к нему с видом побитой собаки лишь тогда, когда вас припёрло к стене. Это смахивает на племянника, вспоминающего о богатом дяде только потому, что племянничек подмахнул фальшивый вексель. Ему также, наверное, неприятно видеть своё создание отупевшим от страха. Отношения мои к этим вещам расходятся с вашими...»

Для писателя-христианина очевидно: «...мир прекрасен. Всё на своём месте; всё божественно стройно и многозначительно в некоем таинственном смысле, который виден мне тридцать шестым зрением, но не укладывается в слова» (рассказ «Канат»).

Ректор Литературного института А.Н. Варламов уделил отношению прозаика к религии главу в книге, посвящённой А.С. Грину, вышедшей в серии «ЖЗЛ» в издательстве «Молодая гвардия», озаглавив её «Христианской кончины живота нашего...». Трудно согласиться с утверждением: «Бегущая по волнам»..., равно как и рассказы Грина последних лет, евангельскими реминисценциями бедны, а христианского духа в них также мало...» Внимательное чтение романа «Бегущая по волнам», написанного в 1925–1926 годах, убеждает: в нём немало аллюзий, связанных с культом Девы Марии. Тому, кто помнит о ходящем по водам на глазах потрясённых апостолов Христе, легко представить бегущую по волнам Деву Марию, оберегающую благочестивого человека в минуту смертельной опасности, пророчески предвещая ближайшее будущее, а затем исчезающую как таинственное видение. Названная её именем шхуна – «Бегущая по волнам» – включается в ряд названий кораблей типа «Санта-Мария». В

рассказе Грина «Зурбаганский стрелок» упоминается пароход «Святой Георгий», а в новелле «Истребитель» – крейсер «Ангел бурь». Севастопольский знаковый будущего писателя Малецкий устроился на пароход «Мария», упоминаемый на страницах «Автобиографической повести». В центре многих европейских городов – почти в каждой католической стране будь то Польша, Италия или Франция, а ныне и в католических сельских районах западной Украины – можно увидеть статуи Девы Марии.

В монографии «Национальные образы мира» Георгиев Гачев отмечал: «...вечно молодая-юная Мать-Пани-Жена-Дева-Королева. Недаром Марию-Богородицу почитали «королевой польской». «Запрещено было молиться Богородице под именем КОРОЛЕВЫ ПОЛЬСКОЙ, как её в Польше называли уже целых два века. Значит, не только божественный и домашний сан у Матери-Девы, но и Социумный: царский: Владычица – исветская она. ...Во всяком случае, Мария – сверхмного значит в Польше. Не только святыня религиозная (Матка Боска Ченстоховска), но и Королева, но и Молодая Мать-Жена, возлюбленная вечная...»

Герой романа «Бегущая по волнам» Томас Гарвей был наказан капитаном шхуны за то, что защитил блудницу – как когда-то Спаситель в известном евангельском сюжете. Как и Дева Мария в различных житиях и апокрифах, Бегущая по волнам, предсказав будущее и спасая героя, просит никому не говорить о встрече с нею. Если внимательно проанализировать гриновский портрет Бегущей по волнам, в нём явно проступают иконописные черты: глубокая печаль в голосе и на лице, ореол святости, нимб: «Вокруг неё стоял отсвет, теряясь среди перекастов волн. ...в её чёрных глазах стояла неподвижная точка; глаза, если присмотреться к ним, вносили впечатление грозного и томительного упорства; необъяснимую сжатость молчания, – больше, чем молчание сжатых губ». Писатель-символист и романтик даёт читателям и ещё одну деталь, заставляющую убедиться, что перед нами Царица Небесная: «Казалось, не среди опасностей морской ночи, а в дальнем углу царского дворца присела, устав от музыки и толпы, эта удивительная фигура». Расставаясь с автором-повествователем, Бегущая по волнам прощается с ним благословляющим жестом: «Она встала и положила руку на мою голову. Как мрамор в луче, сверкала её рука...», а затем делает движение, напоминающее то, которое совершают желающие перекрестить на прощание покидаемого человека: «Она была на воде, невдалеке, с правой стороны, и её медленно относил волной. Она отступала, полуоборотясь ко мне, и, приподняв руку, всматривалась, как если бы уходила от постели уснувшего че-

ловека, опасаясь разбудить его неосторожным движением. Видя, что я смотрю, она кивнула и улыбнулась». Популярный в России в то время французский поэт Артур Рембо в знаменитом стихотворении «Пьяный корабль», написанном в 1871 году, тоже упоминает бегущую по волнам Пречистую Деву: «И когда месяцами, тупея от гнева, // Океан атакует коралловый риф, // Я не верил, что встанет Пречистая Дева, // Звёздной лаской рычанье его усмирив» (перевод П. Антокольского). Или, может быть, чуть более точный перевод того же фрагмента Е. Витковским: «Я много дней следил – и море мне открыло, // Как волн безумный хлев на скалы щерит пасть, – // Мне не сказал никто, что океаны рыла // к Мариным стопам должны покорно пасть».

Отзвуки христианской культуры слышны и в символическом эпизоде из романа «Бегущая по волнам», когда возникшая из воздуха рука спасает не только жизнь герою, но и статую от разрушения: «Это была продолговатая чугунная штамба, весом пудов 20, пущенная, как маятник, на крепком канате. Она повернулась в тот момент, когда между её слепой массой и моим лицом прошла тень женской руки, вытянутой жестом защиты. Удар плашмя уничтожил бы меня вместе со статуей, как топор (*орудие неверующих, которыми они рушили храмы. – Прим. Л.З.*) – стеариновую свечу (*образ-символ из христианской сферы. – Прим. Л.З.*), но поворот штамбы сунул её в воздухе концом мимо меня, на дюйм от плеча статуи. Она остановилась и, завертась, умчалась назад. Этот обратный удар был ужасен...» При чтении этих строк вспоминается легенда об иконописце, которого от смертельного падения с высоких лесов спасла рука Богородицы. Симеон Полоцкий переложил эту легенду стихами в первой в истории восточных славян поэтической энциклопедии «Вертоград многоцветный». Главного героя романа «Бегущая по волнам» зовут Томас (в католической традиции – Фома). Можно предположить, что здесь автор даёт отсыл к Фоме Неверующему. Томас, так же, как Фома, постоянно сомневается в увиденном чуде. Кроме того, в фамилии героя Гарвей повторяются две буквы из псевдонима автора – Грин, а вторая часть её может быть переведена как «путь» (way). В ту атеистическую эпоху, когда был популярен журнал «Безбожник», спрятать намёк на христианскую святыню за полуфантастическим образом морской Богини в золотых тувельках для верующего писателя было вполне естественно.

Известно, что к Грину в 1930 году пришёл молодой журналист Юрий Домбровский взять интервью для журнала «Безбожник», Грин отказался, ответив: «...я верю в Бога». Смущённого неудачей интервьюера он утешил: «Лучше изви-

нитесь перед собой за то, что вы неверующий. Хотя это пройдёт, конечно. Скоро пройдёт».

В романе «Бегущая по волнам» мраморная статуя Бегущей подвергается нападкам и поношениям со стороны сильных мира сего. Её хотят разрушить влиятельные в городе люди. Горожане охраняют статую от этих вандалов. Эта статуя – скульптурный портрет таинственной девы, считающейся покровительницей города. В заключительной сцене романа «Бегущая по волнам» брошенная одноимённая шхуна, осквернённая разгулом и драками, бесславно разрушается, как разрушались в то время в СССР тысячи храмов. Они были разграблены, превращены в склады, тирры, танцплощадки (как те же древние соборы Троице-Сергиевой лавры). Как пишет И.А. Есаулов в книге «Постсоветские мифологии: структуры повседневности»: «душу (*России. – Прим. Л.З.*)... пытались убить..., взрывая православные храмы, вытряхивая из усыпальниц мощи русских святых, а потом там же «организуя» либо дома для умалишённых, либо общественные уборные».

И всё же финал романа звучит светло и оптимистично: главный герой нашёл подтверждение своей веры в любимой девушке Дези, согласившейся с его объяснением невозможного (двойное подтверждение бытия всего святого – вспомним многочисленные доказательства бытия Божия).

* * *

Радует, когда писатель не только в творчестве, но и в своей деятельности последовательно отстаивает православные ценности. Альберт Лиханов, возглавив 33 года назад первый в СССР Советский детский фонд, учредивший орден Святого Благоверного царевича Димитрия «За дела милосердия», восстанавливает и бережно реставрирует домовый храм во имя великомученика Димитрия в усадьбе Тютчева в Армянском переулке, устанавливает памятную табличку о первом освящении митрополитом Филаретом, возобновляет в нём богослужения, а в своём родном городе Кирове дарит монументальные паникадила городскому храму.

Организовав при фонде издательство «Детство. Отрочество. Юность», опытный журналист, долгие годы возглавлявший журнал «Смена», начинает выпускать детский православный журнал «Божий мир», выходящий с января 1997 года по благословению Святейшего. Задача журнала – православное воспитание и просвещение, в увлекательной форме журнал рассказывает о тысячелетней истории РПЦ, о нашем Отечестве – его духовной основе, культуре и искусстве. Материалы «Божьего мира» предназначены

для использования на уроках «Основы православной культуры» в школах – воскресных и общеобразовательных, для чтения в семейном кругу.

В прозе Альберта Лиханова последних лет тема веры становится одной из центральных. В романе «Слётки» действуют два брата – Борис и Глеб, в сказке для незрелых «Мальчик, которому не больно» парализованного подростка излечивает священник. Непрост путь к вере героев писателя. Маша из романа «Сломанная кукла» в двенадцать лет впервые ставит свечку в храме, но спустя несколько месяцев, оказавшись в Лондоне, в драматическую минуту жизни чувствует потребность помолиться тайно от всех на коленях перед тумбочкой, на которую установила иконку Богородицы размером с открытку. Христианская позиция писателя проступала уже в названиях повестей «Голгофа», «Благие намерения», написанных в 1979–1980-х годах, когда атеизм оставался нормой для миллионов советских людей. Десятилетиями размышляя над причинами крупнейшего за все эпохи кризиса Детства в России и во всём мире, Альберт Лиханов приходит к мысли, что одна из глубинных причин этого – бездумный атеизм, неумение увидеть свою жизнь и жизнь своей семьи в масштабных координатах христианской культуры.

Альберт Лиханов принадлежит к тем писателям, кто мягко подводит ребёнка к христианским духовным ценностям. И здесь он не одинок: православным святым и подвижникам посвящены многие книги Владислава Бахревского, Валерия Воскобойникова. Ещё в советское время начал возрождать жанр православной сказки художник и писатель Георгий Юдин, автор исторического романа «Птица Сири и Всадник на белом коне», сборника повестей «Муромское чудо», книги-путешествия «Сокровенная Каппадокия», первой исторической повести о Георгии Победоносце, о его удивительных подвигах и чудесах, о почитании Георгия на Руси, о государственных праздниках и наградах, связанных с его именем – «Смиранный воин». «Любимый святой России» – так озаглавил Г.Юдин последнюю главу своей книги, объясняющей читателям, почему именно «Георгиевский зал является для россиян пантеоном воинской славы, самопожертвования и героизма тех бесчисленных сынов Отечества, которые в грозные годы грудью вставали на защиту Родины. На мраморных лентах Георгиевского зала имена георгиевских кавалеров, среди которых – А.В.Суворов, М.И.Кутузов, П.И.Багратион, Ф.Ф.Ушаков, П.С.Нахимов и др. Благоговейная торжественность зала создаёт впечатление присутствия покровителя во-

инов и неусыпного стража Отечества – духа Георгия Победоносца. Незримый сонм положивших «душу свою за други своя», за Родину, призывает и нынешнее поколение самоотверженно служить Отечеству».

Владимир Крупин, возглавлявший литературный журнал «Москва» и создавший в нём специальную православную рубрику «Домашняя церковь», преподававший педагогику в семинарии при Троице-Сергиевой лавре, одну из своих книг назвал: «Православная азбука». Он объясняет ребёнку, что в телевизоре водятся бесы и как с ними бороться.

Особо хочется отметить словарь школьника «Православие» священника и писателя Ярослава Шипова. Он предлагает иную – весьма востребованную в современном растерявшемся школьном мире – систему нравственных ценностей. Помогая отрешиться от многих советских и либеральных штампов, он возвращает педагогам традиционный, проверенный веками православный взгляд на отечественную историю и происходящее вокруг. Авторы одного из новейших школьных учебников отечественной истории сочли необходимым реабилитировать государственного деятеля К.П.Победоносцева. Озабочен этим и автор словаря школьника «Православие», дающий такую характеристику Константину Петровичу Победоносцеву – «человек глубокого ума и твёрдых религиозных убеждений, хорошо понимал, к чему может привести расшатывание духовных основ Отечества, и всей своей деятельностью активно противостоял разрушительным действиям либеральной идеологии». Легкомысленно-хлёбская блоковская поэтическая характеристика – «Победоносцев над Россией простёр совиные крыла» – на долгие годы заслонила от нас подлинное лицо этого талантливого и мудрого человека, а трагическая личная судьба Блока, вполне достойная стать иллюстрацией к некоторым тезисам Победоносцева, мало кем из педагогов и литературоведов до сих пор правильно понимается. Словарь священника Ярослава Шипова развенчивает советский миф о «декабристах, разбудивших Герцена». Непросто выпускникам советской школы – сегодняшним учителям – посмотреть на это историческое явление с православной точки зрения. Автор словаря «Православие» пытается им в этом деле помочь: «Декабристы – члены тайных обществ масонского толка..., намеревавшиеся совершить в России государственный переворот: свергнуть царя и захватить власть – и с этой целью предпринявшие 14 декабря... вооружённое выступление на Сенатской площади в Петербурге, во время которого декабрист Каховский убил героя Отечественной войны губернатора Петербурга генерала Милорадовича, кото-

рый верхом на коне выехал на площадь, чтобы попытаться успокоить мятежников. После поражения выступления большинство членов тайных обществ были арестованы, 121 человек осуждён на различные сроки каторги и ссылки, а пятеро повешены».

Автор словаря стремится помочь юным и взрослым читателям получить краткие сведения о великих подвижниках земли Русской и о событиях, с ними связанных, глубже понять отечественную историю, неотделимую от православия, узнать значение церковных терминов. Главные герои словаря – православные подвижники, монастыри, особо почитаемые иконы и храмы. Сквернословие в последние пятнадцать лет стало настоящей заразной болезнью среди отечественных школьников. Хорошо бы напомнить любителям ядрёных словечек предлагаемое в словаре священником Ярославом Шиповым православное понимание сквернословия: «Использование в разговоре ругательных грязных и грубых слов, один из самых распространённых грехов среди неверующих, человек верующий, привыкший к молитвенному общению с Богом и знающий, что Бог слышит все, что мы говорим, и ведаёт все наши мысли, не может оскорбить мерзким словом слух Господа или Богородицы. «Никакое гнилое слово да не исходит из уст ваших», – назидал апостол Павел...»

* * *

Увлечение теософией и книгами Рериха в педагогической среде привело к тому, что у менее склонных к модным увлечениям учителей возник специальный термин для темпераментных энтузиастов, энергично навязывающих свои взгляды более мудрым, спокойным коллегам и доверчивым, послушным детям – «рерихнутые». Комментарии священника Ярослава Шипова по поводу учений Елены Блаватской и Николая Рериха достойны того, чтобы привести их: «Теософия (*гр.* – *богопознание*) – антихристианское философское учение о возможности непосредственного постижения «бога» с помощью мистической интуиции, доступной избранному кругу «посвящённых». Признание возможности непосредственного общения со сверхъестественными потусторонними силами сближает теософию со спиритизмом и оккультизмом... С особенным усердием насаждало теософские воззрения «Теософское общество», созданное в 1875 году Е. Блаватской. Базируясь сначала в России, потом в Англии, Америке, Индии, общество развернуло свою деятельность во многих странах мира. Не

скрывая сатанинской сущности исповедуемого учения, Блаватская издавала журнал «Люцифер» (одно из имён сатаны). Впоследствии пагубные идеи теософии развивали Николай Рерих и его жена Елена, жившие в Индии».

Тяжёлое впечатление остаётся у тех, кто посетил поместье Рерихов в посёлке Нагар в Гималаях – комнаты, украшенные статуями Будды и иконами, выполненный сыном художника парадный портрет Николая Рериха в золотых одеждах далайламы, гигантская каменная кумирня у входа в центральный из пяти домов. В качестве секты, понимаемой священником Ярославом Шиповым как «организованная группа людей, замкнувшихся в рамках узкого религиозного учения, противоречащего учению господствующей Церкви и не совпадающего с интересами общества... разрушительной для духовного мира их последователей» рассматривается в словаре популярный у отечественной гуманитарной интеллигенции Фонд Рериха.

Словарь «Православие» свободен от политических оценок. Но трагические судьбы подвижников, отечественных священников, которым пришлось пострадать за Веру в кровавые двадцатые, мрачные тридцатые годы на советской земле, говорят сами за себя. Они способны объяснить вдумчивому юному человеку истоки того духовного падения, массовой безнравственности, которыми обернулось уничтожение людей, призванных быть совестью нации: «Владимир Богоявленский... митрополит Киевский и Галицкий. Замучен и расстрелян у стен Киево-Печерской лавры... Иоанн Восторгов... миссионер, церковный публицист и издатель, знаменитый проповедник. Его богослужения проходили при огромном стечении народа, обличал власть безбожников. В 1918 году расстрелян на Ходынском поле... Пётр Полянский – митрополит, Местоблюститель Патриаршего престола... 9 ноября 1925 года митрополит Пётр был арестован. Не поддаваясь давлению гонителей Церкви, стремившихся расколоть, разрушить её, митрополит Пётр остался верен делу сохранения церковного единства. Ни продление срока ссылки, ни переводы во всё более отдалённые места, ни ужесточение условий заключения не смогли сломить воли митрополита. От истязаний он почти потерял зрение и слух, по несколько раз в день падал в обморок, однако сохранил верность Господу и Русской православной церкви, возглавлять которую ему довелось в столь суровое время. 10 октября 1937 года митрополит Пётр был расстрелян».

В словаре присутствует православное толкование двух ключевых слов для современного учебного процесса – уныние и терпение. Тем, кто склонен впадать в уныние, священник Ярослав Шипов напо-

минает: «уныние – тягчайший грех, приводящий к отчаянию. Уныние рождается там, где угасает вера в Бога, надежда на Него и любовь к Нему и к людям. Потому уныние – грех маловерия, богоотступничества». А по поводу терпения, без которого ничего достойного в современном мире сделать невозможно, также предлагается православное понимание этого судьбоносного для школьного мира качества: «Терпение – одна из драгоценнейших добродетелей. Показатель мужества, внутренней силы, стойкости, великодушия, внутреннего такта. Терпение необходимо во всех делах – общественных и личных, в труде, во взаимоотношениях с людьми. Нетерпеливость как противоположное качество часто признак болезненности, внутренней слабости, ведёт к потере самообладания, к ошибкам, ссорам, унынию, отчаянию. Терпение в перенесении скорбей есть признак веры в безграничность доброты Божией и в то, что и страдания посылаются нам для нашего же духовного благоустройства».

Вселить в сердца школьников и учителей веру, надежду, любовь к Отечеству призваны серии, разработанные православной редакцией московского издательства «Росмэн», к сожалению, сегодня прекратившей своё существование. Но, убеждена, эти серии сыграли достойную роль в истории нашей детской литературы, перечислю их: «Святыни России», «Твоё святое имя», «Душа России», «Отчизны верные сыны», «Наши православные святые», выходящие с подзаголовком – «Для детей среднего школьного возраста, для семейного чтения».

Георгий Юдин, Алексей Карпов, недавно ушедшая из жизни лауреат Госпремии РФ Ирина Токмакова, Елена Григорьева, петербургский прозаик Валерий Воскобойников писали в этих сериях книги, призванные помочь школьнику и учителям сквозь призму истории православия взглянуть на историю Отечества. Отказ от такого взгляда в прежние годы заставлял советских детских писателей произвольно адаптировать и подправлять российскую историю, давая окарикатуренное изображение правителей огромной империи из династии Романовых (об этом несколько лет назад гневно писал московский детский писатель Лев Яковлев, обильно цитируя исторические повести Сергея Алексеева). А во всех советских детских книгах о великом Суворове замалчивалось, какое место в сознании полководца занимало православие. Лишь в изданиях последних лет стали полностью цитироваться его знаменитые слова: «Потомство моё прошу брать мой пример: всякое дело начинать с благословением Божиим; до издыхания быть верным Государю и Отечеству; убегать роскоши, праздности, корыстолюбия

и искать славы чрез истину и добродетель, которые суть моим символом». Если сегодня в круг школьного чтения, вместо «Гарри Поттера», удастся ввести хотя бы некоторые из перечисленных книг, о патриотическом воспитании перестанут говорить в сослагательном наклонении.

* * *

Уже с начала 90-х годов прошлого века православные литераторы пытались объединиться – на Рождественских чтениях, инициированных поэтом, сотрудником издательского отдела Патриархии, ныне покойным членом Союза писателей России Валентином Никитиным. В Петербурге прозаик Николай Коняев, также уже ушедший из жизни, в это же время создал Ассоциацию православных писателей.

Никогда не расходилось слово с делом в жизни и творчестве писателя-помора Павла Кренёва, 21 год прожившего в том же Петербурге, внука православного священника, построившего в родной деревне Лопшеньга Архангельской области православный храм во имя святых Петра и Павла и отважно, несмотря на угрозы и непонимание новых собственников, возвращавшего Православной церкви незаконно изъятые у неё в советское время строения – он в 90-е годы возглавлял Управление государственного имущества Московской области. Цитаты из Библии, названия православных праздников и икон выносит прозаик в заглавие повестей и рассказов: «И на земли мир...», «Поздней осенью, на Казанскую», «Нечаянная радость».

Любимые герои Павла Кренёва нередко начинают размышлять о Боге на пороге смерти, в пограничной ситуации: возвращаясь к нему после долгих блужданий, как пожилой пулемётчик Силантий, или открывая Его для себя, как юная Аня Матвеева.

Издавна хранит веру в душе как самую большую ценность бабушка Парасья из рассказа «Поздней осенью, на Казанскую», к которой ночью перед смертью приходит Николай Угодник: «Он стоял у неё в ногах, худенький, невысокий седой старичок с добрым лицом. Стоял и тихонько ей улыбался». Смерть бескорыстной деревенской подвижницы бабушки Парасьи – смерть праведницы, на таких испокон веков держался крестьянский мир: «Когда гроб лежал на поперечинах над вырытой могилой, от него исходил еле видимый тихий, туманный свет. Многие видели его и удивлялись: откуда взялось это чудное свечение?»

Обращается к Богу в минуту смертельной опасности шестнадцатилетняя Аня Матвеева из повести Кренёва «Беляк и Пятнышко», забытая на льдине в зимний мороз взрослыми членами зверобойной бригады, в которой она – самая младшая. Наивно и трогательно звучит её исповедальный шёпот: «Я тебя совсем не знаю, Боженька, и не могу разобраться точно, есть ты или нет на белом свете. Я ведь комсомолка, а наш комсомол не верит в тебя. Но в Тебя верит моя мама, а я ей доверяю больше всех на свете... Теперь я тоже буду жить с верой в Тебя, как моя мама. Так мне легче будет жить, я это точно знаю».

В повести «Огневой рубеж пулемётчика Батагова» оставшийся в живых Силантий обнаруживает на груди у младшего погибшего напарника маленький серебряный крестик и решает похоронить его по-православному – сделать из молодой берёзы крест: «Русские люди, несмотря на угрозы и запреты, во все времена советской власти хоронили своих покойников по православному обычаю. Этому почему-то не противились даже коммунисты». Да и сам Силантий возвращается к Богу в последние часы своей жизни, перед героической гибелью, каясь за совершенные когда-то недостойные поступки: «...вспомнилось ему вдруг, как, ставши комсомольцем, снял он с себя серебряный крестик, надетый когда-то на его младенческую шейку сельским священником отцом Павлом Васильевским. Как в тридцать втором году по разнарядке парторганизации громил он деревенскую церковь, в которой вековечно находились святые мощи яренгских чудотворцев Иоанна и Лонгина. Выбрасывал на улицу святые иконы...» Неумело молясь, Силантий чувствует перед неизбежной скорой гибелью надёжную опору и настоящую поддержку: «С ним остался только Тот, которого он когда-то позабыл, бросил, отрёкся от него. Силантий отчётливо осознавал, чувствовал всем своим телом, как Он внимательно и заботливо смотрит на него и сопереживает ему в этой последней смертельной схватке, глядит из небесной выси, как лицом к лицу с врагом воюет рядовой двадцать третьей стрелковой дивизии Батагов Силантий Егорович. И осознание того, что он всё же не один в этом карельском лесу, что он не брошен, придало ему спокойствия и уверенности».

* * *

Решают для себя вопрос веры и герои исторической прозы Александра Кердана в его новом «Романе с фамилией». Воспитанный вне православной традиции, писатель никогда не забывал о прадедушке, строившем храмы в Курганской области.

Может быть, именно поэтому полковник Кердан посвятил кандидатскую и докторскую диссертацию размышлению над проблемами офицерской чести и понимания нравственности в разные эпохи, и герои его прозы, посвящённой советскому времени (роман «Караул» и др.), даже будучи неправославными и невоцерковлёнными, стараются поступать по-православному. «Ты из окна своей квартиры // Глядишь на облачный чертог // И веришь в гармоничность мира, // В котором так талантлив Бог», – утверждал ещё двадцать лет назад лирический герой поэта в стихотворении «Какие чудные пейзажи...»

Возвращение к вере отцов – единственное отрадное явление в современной реальности, дарующее надежду на будущее, с точки зрения офицера Александра Кердана, болезненно переживающего резкое изменение на карте очертаний родной страны, которую поэт-воин призван был более четверти века охранять: «Прорастает церквями Россия, // Слово порослью бывшая гарь... // Значит, всё перетерпим, как прежде. // Корни – в прахе, в крестах – купола... // Новый век прорастает надеждой, // Там, где горькая память была» (1998).

В историческом романе «Берег отдаленный» Александр Кердан, как и священник Ярослав Шипов, предлагает читателям иной взгляд на события 14 декабря 1825 года и государя императора Николая Первого, убеждённого – «русским людям не нужны все эти конституции и парламенты, а нужен заботливый Государь и своя вера. Они одни и могут сделать народ счастливым!» Писатель разрушает красивый миф, десятилетиями изучавшийся в советской школе, и справедливость его исторических домыслов подтверждают многие из недавно опубликованных в России мемуаров и документов. В эпилоге романа автор упоминает записки Дмитрия Завалишина, «...увидевшие свет только за рубежом. Прочитав их, дальний родственник Завалишина и Толстого-Американца – Лев Николаевич Толстой откажется от своей затеи написать роман о деятелях двадцать пятого года: очень неприглядными покажутся они знаменитому писателю».

В романе «Берег отдаленный» Дмитрий Завалишин обращается к потомкам со словом правды о происшедшем 14 декабря: «Правила, которыми руководствовались главные деятели тайного общества, были личные цели на первом плане, совершеннейший хаос в понятиях, непонятное легкомыслие людей, взявшихся за важное дело, отсутствие какой-либо подготовки к нему, какого-либо понятия о необходимости её для успеха, каких-либо соображений о последствиях. Все предпринималось наобум, все предоставлялось случайности. Четырнадцатого декабря действовали внешние обстоятель-

ства, независимые от деятелей, которые, напротив, только портили все, что само давалось в руки. За дело исправления зла взялись люди фраз, а не дела...»

Весьма похожую картину событий на Сенатской площади рисует и великий князь Александр Михайлович в мемуарах, основанных на свидетельствах очевидцев, с которыми ему довелось беседовать: «...их (*декабристов*. – **Прим.Л.З.**) план, если у них вообще был какой-либо план, состоял в том, чтобы вывести несколько полков на Сенатскую площадь и заставить императора принять их требования установления в России конституционного образа правления. Задолго до рассвета стало ясно, что заговор не удался. Солдаты не понимали ни пламенного красноречия декабристов, ни длинных цитат из Жан-Жака Руссо. Единственный вопрос, поставленный солдатами заговорщикам, был о значении слова «конституция». Солдаты спрашивали, не была ли «Конституция» именем польки, супруги великого князя Константина Павловича». Эту не придуманную деталь, выразительно демонстрирующую, какая пропасть отделяла сотню мечтателей-офицеров, свободно и красиво рассуждавших на нескольких иностранных языках, от миллионов не владеющих элементарной грамотой простых людей, ставивших вместо подписи крест, не мог не использовать в романе уральский писатель: «В памяти у Завалишина на всю жизнь остался случайно подслушанный разговор ямщика и денщика-матроса: «...А скажи, мил человек, кто государь-от обиженной? Как величать-то его?» – «Ну, конечно же, Константин Павлович, бывший цесаревичем... Ему «ура» у монумента кричали, его до обиды допускать никак было нельзя... Он – заступник народный! А ещё кричали «ура» Конституции...» – «А это кто ж такая?» – «Эх, ты, деревня! Ясно кто – супруга государева... Он её из самой Варшавы привезти обещался...» – «Послушай, братец, – не удержавшись, вмешался Завалишин, – конституция – вовсе не имя, это слово совсем другое означает!» – «Что вы, ваша высокоблагородие, мне надясь в кабаке рассказывал один важный господин, что Конституция – должно быть, точно это и есть государева супруга! Иначе для чего бы люди из-за неё на смерть пошли...»

* * *

Всё чаще наши современники словно проверяют день сегодняшний историческими сюжетами, объединяя в рамках одного произведения два исторических пласта, сопоставляя наше противоречивое сегодня с событиями давно минувших эпох. В новом романе Дмитрия Лиханова «Звезда и крест»

действие так же разворачивается сразу в двух временах, но движутся главные его герои в одном направлении – к принятию монашества и к жертвенному служению Господу. Автор сопрягает два исторических пласта: действие стремительно разворачивается в 80-е и 90-е годы прошлого века в Шадринске (Курганская область), в Афганистане и в Москве, и параллельно – в середине 3-го столетия нашей эры в античной Антиохии и на горе Олимп. Эпиграфами к главам, посвящённым превращению главного героя романа юного Киприана из жреца Аполлона в ревностного христианина, стали кондаки и икосы – жанры церковной византийской гимнографии в форме стихотворной повествовательной проповеди, с похвалой святому мученику.

Роман состоит из двух книг: «Звезда» (путь полковника к получению Звезды Героя и Киприана к титулу главного чародея) и «Крест» (воцерковление и уход в монастырь бывшего советского офицера, принимающего постриг под именем Киприан, и приход к христианской вере, и гибель за неё на плахе бывшего могущественного чародея). Медленно, шаг за шагом, приближается юный Киприан к пониманию сути и смысла христианского учения: ещё мальчиком он услышал рассказы молодой антиохийской христианки, что в Иудее появился, был распят и воскрес новый Бог.

Подростком с удивлением слушал рассказы о Христе – царе Иудейском – от одноглазого раба Феликса, читающего по-гречески 117-й псалом, переживая чудо внезапного Божественного благоухания и не понимая, как можно пойти на смерть и возрождение ради «людей совсем простых, рабов даже». Почему-то сразу запомнил чародей Киприан и афоризмы неистового Тертуллиана: «Душа по природе своей христианка», «Верую, потому что абсурдно».

Так же шаг за шагом рисует Дмитрий Лиханов путь ко Христу юной красавицы Иустины, услышавшей от одноглазого каторжника великую истину: «Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог – это любовь». Иным путём приходит к вере другой герой Дмитрия Лиханова – наш современник, окончивший Челябинское высшее военное командное училище штурманов, он ещё во время учёбы внезапно ощутил «абсолютную уверенность в Божием промысле, который не допустит его гибели в этой первозданной, ангельской лазури». Впервые о Боге он задумался в десятом классе, когда случайно попал на литургию в сельский храм и испытал острую радость очищения. А в 1985 году нашёл дома, в Шадринске, на задворках берёзового шкафа зелёный том Библии с пометками отца.

* * *

... Ещё в 20-е годы прошлого века философ Семён Франк в работе «Духовные основы общества» писал: сочетание духовного безверия с шаткостью и бурностью стихийного исторического движения образует характерное трагическое своеобразие эпохи – при безверии история должна остановиться, ибо она творится верой; потерявшие способность творить историю люди находятся во власти её мятежных сил; мутные яростные потоки стихийных страстей несут людскую жизнь к неведомой цели: попавшие во власть не просветлённого мыслью хаоса стихийных исторических сил гибнут: самая многочисленная из всех эпох приходит к сознанию полного бессилия, неведения и беспомощности.

* * *

Конечно, нельзя ограничиваться только перечисленными мною прозаиками. Среди членов Ассоциации писателей Урала немало зрелых мастеров, которые сердечно и глубоко пишут о своём пути к вере, им не грозит дешёвое искушение экскурсионным православием, в которое нередко впадают неопиты. Добавлю к уже названному ещё несколько имён: это уральские и сибирские поэты и прозаики Дмитрий Мизгулин из Ханты-Мансийска, Светлана Сырнева и Виктор Бакин из Кирова, Сергей Козлов и Леонид Иванов

из Тюмени, Валентина Ерофеева-Тверская и Татьяна Четверикова из Омска, Андрей Расторгуев и Арсен Титов из Екатеринбурга, Надежда Мирошниченко из Сыктывкара. Каждый из них в меру своего таланта убедительно отстаивает и утверждает в своих книгах истинность и плодотворность христианского мироощущения, столь необходимого сегодня нашему гибнущему миру.

Закончить же я хочу строками из стихотворения замечательной омской поэтессы Валентины Ерофеевой-Тверской:

*Очнитесь, православные,
Неужто поослабли мы.
Церквей не слышим звон?!
С разором дружно справимся,
На то и духом славимся,
Пребудет с нами Бог!
Посеем лён с пшеницею...
И русские традиции
Пусть возродятся в срок.
Ах, Русь многострадальная,
Душа исповедальная,
Пречист-лазорец цвет.
Умывшись ранней зорькою,
Стань сильною и зоркою,
Храни Господний свет!*

Лола Уткировна ЗВОНАРЁВА

родилась в Москве.

*Окончила филологический факультет МГУ,
аспирантуру Института литературы имени Янки Купалы
Академии наук Белоруссии, кандидат филологических наук,
доктор исторических наук, секретарь Союза писателей Москвы,
академик Российской академии
естественных наук и Петровской академии науки и искусства.*

Автор 16 книг и более 600 статей, переведённых на 11 языков.

Главный редактор журнала «Литературные знакомства».

Лауреат всероссийских и международных премий.

Приглашённый профессор, преподававший в университетах

Турции, Польши, Китая, США, Болгарии.

В журнале «Север» публикуется впервые.

